

***

Не дам и не проси

***

Поначалу старца привлекла каллиграфия — он не смог пройти мимо столь искусных иероглифов. Однако, едва углубившись в чтение, он напрочь забыл о красоте письма, поглощённый самим содержанием.

— Хорошо, ох как хорошо! — почтенный господин не скупился на похвалу. — Взгляни-ка и ты, — с этими словами он передал листы главе академии Куну.

Тот принял свиток, и поначалу его брови сошлись на переносице: слог Чу Цы разительно отличался от напыщенного стиля «пяньвэнь», столь популярного ныне среди книжников. Но стоило Кун Чжаожу вчитаться, как слова восхищения сами запросились на язык. Лишь в последний миг он спохватился и подавил восклицание, заставив голос звучать ровно.

— Ты сам додумался до этих мер?

— Ученик не претендует на мудрость, — Чу Цы ответил с вежливым поклоном. — Так, набросал кое-какие мысли на скорую руку. Боюсь, наставник лишь посмеётся над моим невежеством.

— Молодым людям не пристало быть излишне скромными. Я вижу, что в твоём сердце живёт глубокое понимание вещей, раз ты способен излагать столь дельные предложения. Позволишь ли ты мне забрать это сочинение с собой? Я хотел бы изучить его подробнее.

«Это... — юноша не знал, что и сказать. — По виду старик не казался таким уж бесстыдником: посмотрел и ладно, но зачем же забирать?»

— Кхм, я ведь не представил вас друг другу, — глава Кун поспешно вмешался, выразительно глядя на юношу. — Это инспектор (окружной) Мо Хуайгу из Ведомства по делам образования области Ганьчжоу. Он прибыл по поручению Инспектора по образованию, дабы проверить успехи учеников уезда Юаньшань.

Чу Цы мгновенно всё понял: перед ним был высокий сановник, совершающий своего рода «тайную инспекцию». Главный чиновник Ведомства по делам образования по рангу соответствовал главе департамента просвещения, а этот инспектор (окружной) — начальнику уездного управления. Причём такие люди не подчинялись местным властям, держа ответ напрямую перед ведомством.

После воцарения Великой династии Вэй в каждой области открывались окружные училища, в уездах — уездные, а в небольших поселениях — общинные школы. Каждому училищу выделялись пахотные земли, доходы с которых шли на нужды образования. В конце каждого года проводилась строгая аттестация, и от её результатов напрямую зависело финансирование на будущий год. Теперь понятно, почему глава академии Кун так суетился вокруг гостя.

Очевидно, прежде Кун Чжаожу молчал о чине спутника, следуя желанию самого Мо Хуайгу сохранить инкогнито. Но раз теперь старец попросил рукопись, скрываться далее не имело смысла.

— Почитаю за честь, господин инспектор, — юноша склонился в уважительном, но не подобострастном поклоне. — Если мои скромные труды привлекли ваше внимание, я с радостью отдаю их вам. Прошу лишь простить мой грубый слог, недостойный взора столь просвещённого мужа.

Чу Цы держался безупречно: в его поведении не было ни тени лести, а изысканная внешность и манеры истинного книжника лишь подкрепляли благоприятное впечатление.

— Нынешняя молодёжь и впрямь не перестаёт удивлять! Ха-ха-ха! — Мо Хуайгу явно был доволен. — Будь покоен: если предложенные тобой меры окажутся действенными, я в долгу не останусь.

Инспектор Мо повидал на своём веку немало учёных мужей. Одни были упрямы до крайности, считая дерзость признаком таланта — это было верхом глупости. Другие — столь приторно услужливы, что вызывали лишь брезгливость, лишившись всякого достоинства.

Но этот юноша... Чу Цы в столь юные годы обладал редкой выдержкой. У него определённо было большое будущее.

Слова Мо Хуайгу отозвались в сердце сюэя Чу сначала радостью, а затем — тихой печалью.

Методы борьбы со снежной стихией, описанные в сочинении, он заимствовал из опыта современности, адаптировав их к реалиям эпохи. Стоя на плечах титанов прошлого, он видел куда дальше своих нынешних сверстников.

Если инспектор Мо решит применить эти советы на практике, имя автора прогремит на всю область ещё до того, как он займёт какой-либо пост. И это было прекрасно.

Но печалило его иное. Раз сановник так ухватился за статью о спасении от бурана, значит, где-то беда уже случилась. Вспомнив однажды услышанную историю, юноша ощутил укол в самом сердце.

Мо Хуайгу, воодушевлённый неожиданной находкой, вскоре покинул училище, бережно храня

рукопись.

— А ты, негодник, иди-ка за мной, — ворчливо бросил глава Кун.

Инспектора обычно сопровождала толпа чиновников, и Кун Чжаожу приложил немало усилий, чтобы заманить инспектора Мо в училище одного. Он планировал представить ему своих лучших учеников, надеясь выхлопотать для заведения привилегии, но этот малец Чу Цы бесцеремонно перехватил инициативу прямо у него под носом.

Сюцай Чу, чувствуя себя без вины виноватым, покорно последовал за главой академии в его кабинет.

— Признавайся, — начал Кун Чжаожу, едва они вошли. — Ты ведь прознал, что инспектор Мо будет здесь, и нарочно караулил его? Да ещё и сочинение припас заранее... Не слишком ли много совпадений?

Юноша тут же изобразил глубочайшее возмущение:

— Глава академии, помилуйте! Будь у меня такие связи и пронырливость, разве оказался бы я в тюрьме по ложному обвинению? Если бы не заступничество учителя Циня, меня бы, пожалуй, и на свете уже не было. Откуда простому ученику знать о делах высоких сановников?

— Я вот подозреваю, что это учитель Цинь... — пробормотал Кун Чжаожу под нос. — Ладно, пустое. Забудь. Иди уже, твой наставник скоро закончит урок.

Он нетерпеливо махнул рукой. Будучи назначенным лично инспектором по образованию, глава академии страдал от того, что его собственные подопечные вечно уступали ученикам Цинь Линциня. Видеть, как редкий шанс снова уплывает в руки подопечного конкурента, было невыносимо, но срывать злость на юноше всё же не стоило.

Однако Чу Цы не шелохнулся, продолжая стоять прямо напротив него. Он замер, не сводя восторженного взгляда с одной-единственной вещи на столе.

— Ты...

Кун Чжаожу не успел договорить. Чу Цы сделал шаг вперёд, и в его голосе прозвучал неподдельный трепет:

— Глава академии, неужто это «Свиток о празднике холодной пищи в Хуанчжоу»? Неужели подлинник самого Су Дунпо?! Позвольте мне взглянуть на него поближе!

Для юноши, страстного поклонника полукурсива, этот свиток был пределом мечтаний. Одна из

вершин творчества Су Ши, признанная «третьим шедевром полукурсива в Поднебесной».

Каллиграфия на этом свитке была величественной и живой; знаки ложились на бумагу легко, без малейшего напряжения, словно само дыхание мастера. Всё указывало на то, что это оригинал.

Глава Кун лишь холодно усмехнулся. Мало того что этот юнец лишил его студентов расположения инспектора, так теперь ещё и на сокровище зарится? Не бывать тому!

— Под честное слово, глава академии! — Чу Цы подался вперёд, почти умоляя. — Ученик клянётся беречь свиток пуще глаза, ни единой пылинки на него не упадёт. Позвольте лишь сделать копию, и я верну его в целостности и сохранности!

В наше время все только и делают, что оттачивают строгий стиль «кайшу», а образцов живого полукурсива днём с огнём не сыщешь. Увидеть же подлинник Су Дунпо — удача, выпадающая раз в жизни!

— Сначала доведи до ума свой стиль «гуаньгэ», — отрезал Кун Чжаожу, найдя благовидный предлог. — На государственных экзаменах полукурсивом не пишут. Не хватало ещё, чтобы твой учитель обвинил меня в том, что я сбиваю тебя с истинного пути.

Он с нескрываемым удовольствием наблюдал за тем, как вытягивается лицо юного книжника. Юноше оставалось лишь смиренно поклониться и бросить на свиток последний, полный неизбывной тоски взгляд. Казалось, он вот-вот разрыдается.

— Ступай. Учитель Цинь уже закончил дела, не смею тебя задерживать, — глава Кун небрежно прикрыл драгоценный свиток другой книгой, пресекая всякую возможность подсмотреть хоть один иероглиф.

— Ученик прощается с вами, — упавшим голосом пробормотал Чу Цы и побрёл к выходу, понурился плечи.

Кун Чжаожу проводил его взглядом и не выдержал — рассмеялся в голос. Вид удручённого ученика заметно поднял ему настроение. Прижав свиток к груди, он прошептал:

— Старый друг, придётся тебе ещё не раз послужить приманкой. Уж очень сладко смотреть на его кислую мину!

***

Сидя в кабинете наставника Циня, Чу Цы медленно переписывал по памяти своё ночное сочинение. Однако каждые несколько знаков его грудь сокрушённо вздымалась в тяжёлом вздохе.

— Да что с тобой такое? — не выдержал наконец Цинь Линцин, отрываясь от книги. — Память подводит? Не можешь вспомнить, что сам же написал ночью?

— Вовсе нет, учитель. Ученик помнит каждое слово, готов хоть задом наперёд прочесть.

— Тогда что? Слишком холодно в кабинете? Велеть супруге учителя принести ещё углей?

— Что вы, учитель! Пребывать рядом с вами — всё равно что нежиться под весенним солнцем. Будь мы хоть в лачуге, мне бы казалось, что я в небесных чертогах. Радость моя не знает границ.

Учитель Цинь легонько стукнул ученика свитком по макушке.

— Тогда к чему эти похоронные вздохи? Помни заповедь истинного книжника: «Не радуйся вещам мирским, не печалься о бедах личных». К чему выставлять чувства напоказ?

Чу Цы обречённо уронил голову на руки, лежащие на столе.

— Ученик ещё слишком слаб духом, дабы достичь таких высот.

Внезапно он выпрямился, и его глаза загорелись лихорадочным огнём:

— Учитель, вы ведь знаете, что у главы Куна есть «Свиток о празднике холодной пищи в Хуанчжоу»? Могли бы вы... одолжить его на время?

Если бы наставник взял свиток себе, юноша непременно нашёл бы повод «помочь с тушью», лишь бы краем глаза взглянуть на шедевр.

При виде этого внезапного душевного порыва Цинь Линцин как-то странно закашлялся.

— Кхм... Скоро годовой экзамен, а твой почерк стиля «гуаньгэ» стал заметно хуже. Гляди, как бы уездный начальник не разгневался и не лишил тебя степени сюцая. Пиши давай, не отвлекайся!

«Ясно, и учитель не может его выпросить. — Юный книжник окончательно присмирел. — Похоже, корень всех бед и вражды глав академий таится именно в наставнике Цине»

Учитель Цинь почувствовал, что его раскусили. Чтобы не терять лица перед учеником, он принял самый невозмутимый вид и заявил:

— Вот если займёшь первое место на экзамене по всему уезду, так и быть — пойду к этому

старому упряму и добуду свиток. Дам тебе вволю налюбоваться. Идёт?

— Благодарю, учитель! Вы поистине всемогущи, настоящий образец для подражания! Ученик будет день и ночь следовать вашим наставлениям, дабы поскорее стать таким же благородным и почитаемым мужем, как вы!

От столь беспардонной лести уголки губ Цинь Линциня невольно поползли вверх. Однако, перестав улыбаться, он ощутил лёгкую тревогу: как же ему, во имя всех святых, заставить того старого лиса отдать сокровище?

Чу Цы же, окрылённый обещанием, взялся за кисть с удвоенной энергией. Иероглифы так и летели из-под его руки, послушные каждому движению. Закончив, он долго дул на бумагу, а затем почтительно представил её наставнику.

Цинь Линцин долго и вдумчиво читал, исправляя лишь пару стилистических огрехов и напоминая о правилах табу на имена.

— Теперь ясно, почему инспектор Мо забрал его, — произнёс он наконец. — Меры по спасению, что ты описал, на редкость дельны. Знаешь ли ты, что в Мобэй сейчас бушует такой буран, какого не видели тридцать лет? Народ страдает, земля усыпана телами... Эх, если бы тамошние чиновники были хоть наполовину так бдительны, как ты советуешь, скольких смертей удалось бы избежать.

— Учитель, ученик обещает, что в будущем станет добрым и честным чиновником, — тихо, но твёрдо ответил Чу Цы.

— Ты талантлив и полон великих устремлений, — наставник посмотрел на него с отеческой теплотой. — Помни лишь одно: что бы ни случилось, никогда не иди против своего сердца. Делай лишь то, что велит тебе долг.

Его ученик становился всё мудрее. Он научился быть гибким в делах мирских, но не растерял при этом достоинства книжника. Если так пойдёт и дальше, он вполне может достичь высот Кабинета министров. Но государственная служба — это огромный чан с краской: многие входят туда чистыми, а выходят ли?

Он не хотел, чтобы его ученик менялся, но и не желал ему стать лишь камнем под ногами других. Оставалось только направлять его советом.

Глядя на Чу Цы, наставник Цинь вдруг ощутил то же, что когда-то Су Ши:

«Лишь желал бы я, чтоб сын мой рос глуп и прост, да без бед и лишений дослужился до высших чинов»

Ведь слишком сильное чувство недолговечно, а чрезмерный ум — прямой путь к страданию.

<http://bllate.org/book/15354/1421993>